

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ КАЛМЫКИИ

Взаимодействие между диалектной и литературной разновидностями языка – один из важных процессов развития любого письменного языка. В русском языке этот процесс наблюдается с момента появления первых памятников письменности /XIV./ и продолжается по сей день. Наиболее заметно его результаты отражаются в словарном составе языка, причем по-разному в отдельные исторические эпохи. В настоящее время лексическое взаимодействие между литературным языком и местными диалектами приводит к результатам двоякого рода:

а/ к заметному обогащению лексики диалектов словами современного литературного языка, особенно словами, выражающими новые понятия /таковы многочисленные советизмы, проникшие в говоры в течение последних десятилетий: колхоз, совхоз, стенгазета, комсомол, трактор, комбайн, сельсовет и т. д., а также телевизор, космодром, космонавт, нейлон, стеблеподъемник, спецхоз, автокормушка, агрохимлаборатория и множество других неологизмов 60–70 годов/. При этом обогащение сопровождается в некоторой убылью: уходят в пассивное употребление, а со временем исчезают не только слова, обозначающие устаревшие понятия, вроде трапезник – церковный сторож, восьмак – выборный землемер от восьми дворов, деха – старинная мера земли, одна двенадцатая часть десятины и некоторые другие, особенно те, которые имеют в литературном языке полные смысловые соответствия /напр., вместо анадысь говорят недавно. вместо нетуты – нет, вместо завеска – фар-тук; особенно такие замены часты в речи молодежи, получающей среднее образование/;

б/ к некоторому проникновению диалектных слов в словарный состав литературного языка; таковы, например, приводимые Н.М.Шанским /в "Лексикологии современного русского языка", М., 1972, с.122/ слова: аляповатый, притулиться, фйлин, пахать, батрак, шумиха, подоплека и ряд других, вошедших во

всенародное употребление из территориальных говоров русского языка. Известно, что в той или иной мере диалектную лексику использовали все выдающиеся русские писатели как Тургенев, Лев Толстой, Бунин, Чехов, Шолохов, Гладков и др. в своих произведениях в качестве определенных стилистических средств для речевой характеристики персонажей, описания местной крестьянской среды и т.д.

В настоящее время влияние литературного языка на местные говоры значительно преобладает над обратным влиянием на него со стороны диалектов. Это вполне понятно, если учесть, что литературный язык, концентрируя в себе огромные культурные ценности, выработанные веками общественного развития, является мощным средством просвещения, науки, искусства, социального прогресса. Престиж литературного языка громаден, его проникающая способность также очень велика. Он стремится охватить всю территорию, всю "глотофорную область" русского языка, проникая по многим каналам – через школу, периодическую печать, художественную литературу, радио, телевидение – даже в самые отдаленные уголки страны, бывшие глухие "медвежьи углы" царской России.

Слова литературного языка, попадая в словарный состав диалектов, претерпевают адаптацию, чаще всего звуковую; особенно это касается слов нерусского происхождения, внутренняя форма которых неясна для носителей говоров.

Предметом данных наблюдений являются слова, зафиксированные в Городовиковском районе Калмыцкой АССР во время летней диалектологической практики 1976 года.

Из 847 слов, имеющих в картотеке отчета по практике, выделяются 49 заимствований из литературного языка, испытавших адаптацию, что составляет около 6 общего количества. Прежде всего следует выделить случаи замены литературного ф на хв или х в диалекте: перед гласным вместо ф выступает хв: хвате вместо фата, хвиртка вместо фортка /переход о в и в закрытом слоге/ хванера вместо фанера; перед согласным выступает х: хронт, ахтанабил. Интересный случай представляет слово хвудиганить вместо худиганить: по всей вероятности,

оно заимствовано через предаточную инстанцию - просторечное фулиганить, судя по подстановке хв вместо ф; имеется также хуламент вместо фундамент.

Далее отметим слова с комбинаторными изменениями звуков, например:

1/ диссимиляция: дигистрироваться вместо регистраваться /здесь диссимиляция дистантная регрессивная/, кухвайка вм. фуфайка /то же/, скисняться вм. стесняться /то же/, амтобус вм. автобус /диссимиляция контактная регрессивная/, пашкет вм. паштет /диссимиляция регрессивная/, хвабрий вм. храбрый /то же/;

2/ метатеза: бутезер вм. бузотер. бульзодер вм. бульдозер, вахла вм. халва. гарнизация вм. организация. тверезый вм. трезвый. гамазин вм. магазин;

3/ отпадение начального гласного: вакуировалась вм. эвакуировалась. вакуация вм. эвакуация /здесь также эпентетическое в/, свалът вм. асфальт; отпадение начального слога: аболитировать вм. реабилитировать;

4/ прогрессивная дистантная ассимиляция гласных: табаре-тка вм. табуретка. Отмечена также и диссимиляция: стихея вм. стихия. партейцы вм. партийцы;

5/ эпентеза: перстики вм. персики;

6/ протеза: виноходец вм. иноходец;

7/ диаре́за: кватыря вм. квартира.

Имеется также случай замены одного согласного другим по неясной причине: тарантух вм. тарантул.

Некоторые слова литературного языка при заимствовании в диалект претерпели морфологическую адаптацию. Так, слово мужского рода бассейн превратилось в слово женского рода басеня: "У нас полная басеня вадн"; также - басень: "большая басень". Слово шкаф также перешло в женский род: "Колька шахву зделал" /здесь произошло такое звуковое изменение: литер. шкаф должно дать в диалекте шкахв, под воздействием конечного хв звук к выпал, затем произошло морфологическое изменение: шахв шахва; заметим, что слово комод тоже почему-то стало женского рода: "новая камода". Слово магазин встре-

тилось нам в двух разновидностях: гамазин и гамазиня. Но последнее означает не торговое предприятие, а хлебный склад. Значение "склад" у слова магазин более старое; вообще в говорах нередки случаи сохранения словами былых значений; так, у слова газ в XIX веке было /среди других значений/ и такое: "керосин"; именно в этом значении отмечено слово газ в русских говорах Кавказия: "Цебарку взяла, за газом пошла" /цебарку - ведро/. Некоторые диалектные слова представляют собой контаминации: так, слово катавация есть гибрид из слов катавасия /беспорядок/ и эвакуация и означает последнее: "перевозка людей и ценностей в безопасное место во время войны или стихийного бедствия". Слово овальт контаминировано из асфальт и сваливать. виноходец - из вино и иноходец. скиснуться из скисать и стесняться и т.д. На слово адресь - "адрес" /женского рода: "А какая у него адресь?" /повлияли, очевидно, такие слова, как схожесть, горесть. Подобные явления есть следствие "народной этимологии", т.е. попытки установить какую-то внутреннюю форму нового слова, сделать ее прозрачной на фоне связей между известными словами; и поскольку это делается без опоры на принципы научной этимологии, то сплошь и рядом такая этимологизация бывает ошибочной, опирающейся на случайные связи по звучанию. Таково отмеченное в наших материалах слово микрораон - "микрорайон" /ложная ассоциация со словом мокро, мокрый/. Относительно "народной этимологии" Е.Вандриес замечал в своей книге "Язык" /Соцэкгиз, 1937, с.172/: "Ни одно слово не стоит одиноко в сознании говорящего. Наоборот, мы всегда стремимся группировать слова, открывать новые соединяющие их связи. Слова всегда ассоциируются с каким-либо гнездом слов через свою семантику или морфему или даже через свои фонемы. Мы прекрасно чувствуем, что слова дар, подарок, дарить, даровой, даровитый связаны одним общим корнем, как бы ни были различны значения этих слов. С другой стороны, слова беловатый, красноватый, бледноватый также связаны друг с другом - через суффикс -оват-, придававший им всем значение слабой окраски. Но кроме того даритель образует группу с носитель, учитель, а да-

ровитий о дедовитий и т.д. Таким образом, мы видим, что эти словарные гнезда могут перекрещиваться. Ассоциация слов по фонемам играет большую роль в явлении, несущем название "Неродной этимологии"; сознание стремится установить связь во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным или более известным словом ведет за собой сближение, результатом которого являются странные искажения слов". Вендриес также определил причины комбинаторных изменений, проявляющихся особенно сильно в словах с неизвестной внутренней формой; так, говоря о диссимиляции, он заметил, что "диссимиляция не осуществляется там, где этимология слова ясна говорящему... Комбинаторные изменения протекают от недостатка координации между мыслью и органами речи. Она результат недостатка внимания. Либо внимание перенапрягается, концентрируется с избытком на одном пункте за счет других или неровно распределяется среди различных элементов слова. Либо оно отвлекается, предоставляя органы речи их природной инертности" /там же, с.70/. Итак, речь не успевает за развертыванием мысли, отсюда всякие обмолвки, перестановки, забегания вперед, и чаще всего они осуществляются в словах с неясным этимологом.

Еще одно замечание. Большинство носителей правильной литературной речи /не лянгистов, а представителей иных специальностей/, слыша в устах носителей говоров слова вроде скисняться, бульзодер или мскрораон, испытывают внутренний протест, у них возникает своеобразный "синдром неприязни" к таким словам, как к "порче языка". Такой протест вполне оправдан при нормативной точке зрения на язык. Вот что писал в свое время А.М.Пешковский: "Литературное наречие не только объединяет различные части народа, говорящие на разных наречьях, как межрайонное, понятное всюду, оно и непосредственно воздействует на местные наречья и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации... Притягивая ребенка, посредством нормирования его языка, к национальному центру - Москве, школьный учитель охраняет

внутреннее, духовное единство нации, как солдат на фронте охраняет территориальное единство ее". /"Объективная и нормативная точки зрения на язык", цит. по хрестоматии "История языкознания XIX-XX веков", ч. II, Просвещение, с. 294/. Но, замечает А. М. Пешковский, лингвисту должна быть свойственна не только нормативная, но и объективная точка зрения на язык. "... народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования ... Таким образом какое-нибудь вчера будет для него не погорчанным вчера, а образованием чрезвычайно древнего типа ... Какие-нибудь текет, пекет, багит, сидо, видо, кусто не вызовут в нем улыбки, а наведут его на глубокие размышления о влиянии I-го лица ед. числа на остальные лица всех чисел и об обратных влияниях последних на I-ое ... Вот, конечно, в народных говорах и не замородные факты, а заимствования из литературного наречия, которое в силу своих культурных преимуществ всегда оказывает крупное влияние на народные говоры. Сюда относятся такие факты, как сумлеварсь, антиресний, дилектор, а человек уделеварий, выдавце новости и т. д. На первый взгляд уж эти-то факты как будто должны определяться как "искажения" литературной речи. Но и тут наука подходит к делу с объективной меркой и определяет их как факт сменения языков и наречий /в данном случае местного с литературным/, находя в каждом отдельном факте сменения свои закономерные черты /сумлеварсь - народная этимология, дилектор - дносемияция плавных и т. д./ и рассматривая само сменение как один из наиболее общих и основных процессов языковой жизни" /там же, с. 290-291/.

Вот почему предметом данных наблюдений явилось диалектные факты, отражающие взаимодействие между литературным языком и бесписьменными народными говорами. Остается сказать, что отмеченные факты наблюдаются в настоящее время лишь у людей старшего поколения, в силу ряда причин не смогших получить достаточного образования и постоянно проживавших в се-

льской местности. Молодежь избегает употреблять речи слова вроде амтобус или кухвайка. Я им предстоит, видимо, в недалеком будущем быть замененными повсеместно на нормированные автобус и бувайка. Пока диалектные факты не исчезли, их надо собрать и изучить.